

КОНИЦ В. Э. — ЯГОДЕ Г. Г.

КОНИЦ Владислав Эдуардович, родился в 1885. В 1905 — поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, с 1909 — с четвертого курса ушел на службу в Контрольную Палату, в 1914 — служил младшим ревизором в судебном ведомстве в чине коллежского секретаря, к 1917 — старшим контролером Полевого контроля в том же чине. С мая 1918 — служил в Наркомате Госконтроля и Рабоче-Крестьянской Инспекции, с декабря 1930 — в Спичтресте, с февраля 1933 — в Контрольном Совете жилищного союза. В марте 1935 — выслан из Ленинграда в Оренбург на 5 лет, с августа 1934 — служил в местном Снабсбыте, с сентября — в Облторге. В марте 1936 — обратился с заявлением к Г. Г. Ягоде.

<20 марта 1936>

«НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ тов<арищу> ЯГОДА

гр<ажданина> КОНИЦА Владислава
Эдуардовича, жит<еля> в г<ороде>
Оренбурге, Кондукторская ул<ица>,
д<ом> 36.

ЗАЯВЛЕНИЕ

19 марта 35 года Ленинградским Управлением НКВД мне было предложено подписать обязательство о выезде в 3-хдневный срок из гор<ода> Ленинграда в г<ород> Оренбург и явке по прибытии в последний в Оренбургское Управление НКВД для принятия на учет.

При предъявлении мне этого требования мне не было ни сообщено, ни прочитано постановление соответствующего органа власти о ссылке меня; никакого обвинения мне предъявлено не было; таким образом, причина ссылки осталась мне неизвестной.

При таком положении я могу лишь, основываясь на допросе, имевшем место во время краткосрочного моего ареста с 15 по 18-е марта 1935 г<ода>, догадываться о мотивах, послуживших основанием для моей ссылки.

1. Во время допроса следователь, утверждал о наличии у него неопровержимых данных, удостоверяющих факт принадлежности моей к сословию потомственного дворянства.

К сожалению, следователь не признал нужным предъявить мне эти данные, а также не удовлетворил моего ходатайства о предоставлении мне возможности предъявить бесспорные документы, хранившиеся у меня дома, которые точно устанавливали мое социальное и сословное происхождение. Эти действия следователя лишили меня возможности в тот момент доказать свои утверждения и опровергнуть предположение следователя о том, будто я скрываю от Советской Власти свою принадлежность к дворянству.

Между тем, у меня на руках имеются следующие документы, удостоверяющие мое социальное происхождение:

1. Диплом за № 2264 об окончании б<ывшего> С<анкт>-Петербургского Университета в 1911 г<оду> по юридическому факультету (копия прилагается); в дипломе прямо указывается, что я являюсь "сыном мещанина".

2. Выписка из книги "Список чинов государственного контроля", составленного на 18/VIII-1914 г<ода>. В этом списке на стр<анице> 299 я

упомянут в разделе младшие ревизоры под № 19, как коллежский секретарь, происходящий из мещан (нотариально заверенная выписка прилагается).

Из сказанного явствует, что мое социальное происхождение по сословному признаку из мещан должно почитаться доказанным; по скромности же присвоенного мне "чина" — коллежский секретарь — я не только потомственного, но даже и личного дворянства получить не мог.

Отец мой был служащим в б<ывшей> Банкирской конторе Вавельберга в б<ывшем> С<анкт>-Петербурге (помер в сентябре 1913 года). Мать до замужества работала сначала в Типографии, а затем в одной из столовых в б<ывшем> Петербурге. Сам я, будучи студентом Университета и находясь на 4 (последнем) курсе, вместо того, чтобы посвятить все свободное время окончанию Университета, принужден был из-за недостатка средств поступить на службу в Контрольную палату; при сем прилагаю подлинное мое заявление от 24/II-1909 г<ода> с просьбой о предоставлении мне места, а из моего трудового списка видно, что в мае 1909 г<ода> я поступил на службу в Контрольную палату.

Таким образом, я могу смело утверждать, что следователь Ленинградского Управления НКВД располагал неверными данными о моем социальном и сословном происхождении и по этому вопросу кем-то был введен в заблуждение.

II. Вторым моментом моей биографии, являвшимся одним из центральных мест допроса меня, было утверждение следователя, что я занимал до революции крупные посты; очевидно, следователю представлялось, что я являюсь каким-то сановником б<ывшей> царской России.

Уже из вышеуказанного, в частности, из выписки из книги "Список чинов государственного контроля" видно, что я в 1914 г<оду> занимал должность младшего ревизора и имел чин коллежского секретаря; по действовавшей в то время табели о рангах этот чин является одним из самых низших чинов; из моего трудового списка видно, что к моменту Октябрьской Революции я занимал должность старшего контролера Полевого контроля (и находился в то же чине); к тому же, к моменту Октябрьской Революции мне было 32 года и я, естественно, не мог достигнуть высоких постов, т<ак> к<ак> продвижение в те времена производилось медленно, а, в особенности, в отношении выходцев из не дворянских сословий.

Сопоставление этого утверждения следователя о занятии мною крупных постов с первым его категорическим утверждением о моем социальном происхождении еще более убеждает меня, что в отношении меня он обладал какими-то ошибочными данными, которыми был введен в заблуждение.

III. Наконец, третий момент допроса являлся результатом совершенно очевидного недоразумения.

Дело в том, что при обыске у меня были отобраны мои фотографические карточки в военной форме. Эти фотографические карточки послужили основанием к утверждению, будто бы я являлся в прошлом офицером. На самом же деле, как это видно из самой фотографической карточки, заверенной на обороте б<ывшей> Петроградской Контрольной Палатой, я снят в полувоенной форме гражданского образца, установленной для служащих Полевого контроля (см<отри> кокарду и гражд<анские> погоны); в октябре 1915 года я б<ывшей> Петроградской Контрольной Палатой был откомандирован в Управление Главного Полевого Контроля Армии Северного фронта, находившегося в ведении б<ывшего> Государственного Контролера и занимавшегося, согласно "Положения" о нем ревизией интендантства

полевых складов и казначейств; сотрудники этого учреждения оставались, по терминологии того времени "гражданскими чинами" и военному министру, как и военному командованию подчинены не были; во время войны для них была лишь установлена особая форма, сыгравшая столь злополучную роль для меня в настоящее время.

В качестве гражданского чиновника я входил в 1917 г<оду> в состав Союза служащих полевых контрольных учреждений Северного фронта, что подтверждается членским билетом; как известно, военнослужащие в состав союзов служащих не допускались. В мае 1918 года я был приказом Главного контролера откомандирован "к месту мирной службы в Петроградскую Палату" (прилагаю аттестат за № 3349 и заявление от 11/V-1919 г<ода>). Таким образом, служба в Полевом контроле была той же службой по Государственному контролю и ничего общего с военной службой не имела.

На военной же службе я никогда не был, так как еще при освидетельствовании в 1911 г<оду> был по состоянию здоровья признан к военной службе совершенно не годным и освобожден от таковой навсегда.

IV. У меня 27 лет трудового стажа работы по найму, из них 8 лет до Октябрьской Революции в учреждениях Государственного контроля и 18½ лет в Советских учреждениях, а именно: до мая 1918 года в Управлении Полевого Контроля, с мая 1918 до 11/XII-1930 года последовательно в Народном Комиссариате Государственного Контроля и органах Р<абоче>-К<рестьянской> И<нспекции>; с 11/XII-1930 г<ода> по 15/II-1933 г<ода> в Спичтресте; с 22/II-33 г<ода> по 1/V-1935 г<ода> в Контрольном Совете Лен<инградского> жил<ищного> союза; с 7/VIII-35 г<ода> в Орен<бургском> Снабсбыте и с 17/XI-1935 г<ода> в Оренбургском Обл<астаном> торге.

За время моей многолетней работы в органах Нар<одного> Ком<иссариата> Гос<ударственного> Контроля, а затем РКИ я выполнял чрезвычайно ответственные поручения, требовавшие огромного доверия ко мне; так прилагаю в удостоверение сказанного, из ряда находящихся у меня документов, поручение за № 5193 от 27/VII-1918 г<ода> принимать участие в междуведомственной комиссии по разработке проекта передачи операций Казначейства Народному Банку; поручение от 8/VIII-1918 г<ода> за № 5578 быть представителем Государственного Контроля во всех районных Советах г<орода> Ленинграда с широкими полномочиями по их ревизии; поручение от Областного Комиссара Народного Контроля от 10/I-1919 года за № 9 с поручением производства ревизии кассы бухгалтерии б<ывшей> Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией и, наконец, мандат от 6/III-1925 г<ода> за № 111, выданный отделом РКИ б<ывшего> Лен<инградского> губ<ернского> исполкома на право производства ревизий и обследований всех учреждений. В качестве представителя РКИ я принимал в течение ряда лет непосредственное участие в работе секции Внутреннего Управления Лен<инградского> Совета. Вся эта большая работа, не только никогда не вызывала каких-либо замечаний, а, наоборот, заслужила многократную лестную оценку. Нетрудно заметить при этом, что, занимая в дореволюционной России скромные должности, я после Революции был выдвинут на крупные посты, так как мое социальное происхождение — помещанин не являлось больше препятствием к этому.

По линии общественной работы, состоял непрерывно с мая м<еся>ца 1918 г<ода> членом Профсоюза, я неоднократно занимал выборные должности (председатель месткома в полевом контроле с января по май 1918 г<ода>, член производ<ственного> совещания в спичечном тресте с 1931 по 1933 г<од>).

Одновременно с 1931 г<ода> состоял членом Инженерно-Технической Секции сначала в спичечном тресте, а затем в Лен<инградском> жил<ищном> союзе (членский билет № 5361), состоял в последнем членом местного Бюро Инженерно-Технической Секции вплоть до моего отъезда из Ленинграда.

Наконец, прилагаемая при сем характеристика, выданная мне членом ВКП(б) председателем Контрольно-Ревизионного Совета Лен<инградского> жил<ищного> союза т<оварищем> Кузнецовым по месту моей последней службы в Ленинграде, может подтвердить мое лицо, как общественника.

Тем обиднее для меня постигшая меня совершенно незаслуженно ссылка в Оренбург, ни по своему социальному происхождению, ни по имущественному состоянию, ни по служебному положению я с дореволюционной Россией не связан; вся моя плодотворная работа прошла в послереволюционные годы и на укрепление Советской власти и улучшение аппарата.

А теперь вдруг, не зная за собой никакой вины, не будучи ни опорочен по суду или каким-либо иным образом, я должен находиться в ссылке, являясь несомненно жертвой недоразумения.

В виду всего изложенного, прошу об истребовании всего производства по моему делу из Ленинграда, отмене ссылки и возвращении меня в Ленинград, где я родился и прожил безвыездно 50 лет.

Приложения:

1. Копия диплома за № 2264.
2. Выписка из книги "Список чинов гос<ударственного> контроля".
3. Копия трудового списка.
4. Заявление от 24/II-1909 г<ода>.
5. Членский билет № 310.
6. Аттестат № 3349 от 9/V-18 г<ода>.
7. Заявление от 11/V-1918 г<ода>.
8. Поручение № 5193 от 27/VII-18 г<ода>.
9. Поручение № 5578 от 8/VIII-18 г<ода>.
10. Поручение № 9 от 10/I-19 г<ода>.
11. Мандат № 111 от 6/II-25 г<ода>.
12. Мандат № 224 от 8/III-25 г<ода>.

В. Конниц.

20 марта 1936 года
Г<ород> Оренбург»¹.

В начале 1937 — находился в Оренбурге, работал экономистом Облторга. В октябре 1937 — арестован, приговорен к высшей мере наказания и 25 октября 1937 — расстрелян².

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1471. С. 89-91. Машинопись, подпись — автограф.

² Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.